

ПРОБЛЕМА «ЭТНОГРАФИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ»

Термины «этнография», «этнология», «социальная антропология», «культурная антропология», не являясь полными синонимами, на практике уже давно представляют собой языковые (национальные) традиции в обозначении одной и той же научной дисциплины и, следовательно, одного и того же предмета исследования. Поэтому в дальнейшем мы сосредоточимся на определении предмета исследования той науки, которую в разных странах принято именовать этнографией, этнологией, культурной или социальной антропologией. До определенного времени ни у кого не вызывал сомнения тот факт, что все это названия одной и той же науки [Бромлей 1988 : 7]. В данном случае мы учитываем, что различие в названиях связано с различием в понимании предмета исследования, однако единство дискуссионного поля свидетельствует о том, что мы говорим именно о *предмете* исследования, а не о чем-либо другом, и именно об *одной*, а не о разных дисциплинах. Понимание научной дисциплины начинается не с терминов, ее обозначающих. Термины могут быть случайными. Понимание научной дисциплины начинается с предмета, т. е. того, что скрывается (или мы сами скрываем от себя) за привычными терминами.

Многие исследователи склоняются к мнению о непринципиальности вопроса наименования данной дисциплины [Козенко, Моногарова 1994 : 3]. Но, как известно, форма уже есть некоторое содержание. Возникнув однажды, название приобретает относительную самостоятельность по отношению к обозначаемому, своей этимологией оказывая влияние на подходы к само-

му предмету исследования и тем самым придавая ему особые очертания в тех или иных научных текстах. Возможно, это довольно далеко зашедшее расхождение связано с двумя аспектами содержания любого термина: значением и смыслом [Грязнов 1982 : 11]. В настоящее время в термине «этнография» фиксируется предмет, а в термине «антропология» — попытка обнаружить смысл обозначаемой науки.

Первоначальное единство данной отрасли знания доказывается именно единством дискуссионного поля. С момента своего возникновения наука, функционирующая в разных странах под разными именами, никогда не выходила за свои исторические границы, будучи вынуждена решать одни и те же дилеммы. Эти дилеммы так или иначе связаны с вопросом, чем она является: философией или наукой, теоретической или эмпирической отраслью знания, наукой о человеке или наукой о народах, наукой о культуре или наукой об обществе, частью истории или географии, социологии или биологии, наукой о прошлом или наукой о настоящем, наукой о своем народе или наукой о чужих народах, наконец, существует она или не существует как особая наука? Поскольку эти вопросы ставятся одновременно, причем зачастую в имплицитной форме, постепенно выстраивается целый лабиринт интерпретаций.

Все это заставляет нас вновь и вновь возвращаться к фундаментальной проблеме базисного знания. Что делает антрополога антропологом или этнографа этнографом? Что и в каком объеме обязан знать и уметь дипломированный специалист, чтобы приступить к своей профессиональной деятельности? Проблема состоит не в том, как преподавать, а в том, что преподавать. В конце концов, кем является наш «герой», антропологом или этнографом?

При ответе на этот вопрос трудность заключается как раз в том, что неясно, как себя именовать на стадии дискуссии. Как можно именовать себя представителям «этнографии» и «антропологии» в тот момент, когда они дискутируют друг с другом, пытаясь доказать или опровергнуть синонимичность этих терминов? Приходится говорить об этой, своей, нашей науке. В противном случае заранее игнорируется мнение оппонентов, стоящих на иной точке зрения. Понятно, что в рамках объектного языка у противников нет никаких логических средств, чтобы перейти от понятия «этой науки» к одному из двух конкретных наименований. Это вечный вопрос: с чего начинать, с сомнения

или убеждения («веры»)? По этому поводу очень хорошо сказал Ч. С. Пирс. Будучи картезианцем, он не во всем соглашался с Декартом: мы не можем начинать с совершенного сомнения; мы должны начинать, имея все те предрассудки, которые действительно имеются у нас, когда мы беремся за исследование (он писал о философии). И далее: «Эти предрассудки нельзя рассеять предписанием собственной воли, ибо они таковы, что *возможность* сомневаться в них не приходит нам в голову. Изначальный скептицизм поэтому всегда будет просто самообманом, а не реальным сомнением...» [Пирс 2000 : 11].

Таков план выражения общего дискуссионного поля «этнографов» и «антропологов». В плане содержания можно выделить три уровня теоретических споров. Первый уровень — споры между этнографами и антропологами (вариант: между самими этнографами или самими антропологами) по поводу определения границ предметной области: первобытные народы или народы вообще, этнография или антропология, социальная или культурная антропология («общество» или «культура»), биологическое или социальное, фольклор или этнография.³ При решении этих, казалось бы, схоластических вопросов мы выполняем задачу по удержанию «этой» науки в рамках ее идентичности, создавая своего рода координатную сетку. (Вообще можно вспомнить, что схоластика питается скорее эмпиризмом, чем стремлением к теоретическим построениям). Второй уровень — споры о существовании/несуществовании («призрачности») теоретических объектов вроде: «эволюция», «культурный круг», «структура разума», «этнос», «община», «фольклорный мотив» и т. п. Третий уровень — споры о способах решения конкретных задач, например происхождения экзогамии, системы родства типа кроу и омаха или волшебной сказки. Как показывает практика, оценка достоверности полевых этнографических наблюдений, которая сама по себе представляет очень широкое поле для научных дискуссий, во многом зависит от решения теоретических вопросов.

«Наука о народах» и «наука о человеке»

В известном смысле понятие дискуссионного поля совпадает с понятием предмета исследования. Дискуссия — это категория так называемой нормальной науки, когда заданы